

в Батуме, а затем думает предложить свои услуги на каком-нибудь другом антибольшевистском фронте. У Колчака, говорят, его не особенно желают. По всей вероятности, он поедет в Северо-Западную армию, под Петербург. В Новочеркасске его чествовали адресом и банкетом, на который явились и кое-кто из оппозиции. То же было в Ростове. Итак, донской Бонапарт нашел свое Ватерлоо и свою Святую Елену. Но, в то время как падение Скоропадского не вызвало никаких сожалений, о Краснове не могут не пожалеть даже его враги. Он делал много ошибок, но был человеком недюжинным, прекрасным организатором, тонко понимавшим казачью психологию, и заслуги его перед Доном и перед Россией, конечно, велики. И главная заслуга — отсутствие политического страха, той робости перед «идеологией», которая, к сожалению, так характерна для слишком многих деятелей русских. Краснов не побоялся «нарушить верность союзникам», когда этого требовали интересы Дона, и не побоялся потом сказать, что и «нарушая верность» он «помнил о союзе». Посмотрим, что даст новый атаман? Интересно, что даже такой заядлый красновец, как И.А.Родионов (его «Часовой» прикрылся, конечно, не в порядке «закрытия», а просто отобрали казенную бумагу и выставили из типографии; в «Донских ведомостях» Казмин попытался было подлизаться к победителям, но тем не нужна была шушера; выставка его неизбежна; «Донские ведомости», вероятно, перейдут к Ф.Д.Крюкову), говорит, что «Африкан Петрович — превосходный человек, и в глубине души — наш, монархист».

ОСВАГ

Дневник (январь—февраль 1919 года)

19 января

Новочеркасский период нашей жизни кончен; мы не сразу переедем в Ростов, но я уже принял предложенное мне место заведующего кинематографом в только что учрежденном Отделе пропаганды Добровольческой армии, во главе коего стал Н.Е.Парамонов. Вчера вечером мне принесли письмо В.А.Жарламова, приглашавшее меня пожаловать сегодня к 10 утра к Николаю Елпифидоровичу в Ростов. Хотя мне нездоровилось и не хотелось бросать работы, тем не менее, это было слишком занимательно и любопытно, — и я поехал в Ростов. Здесь предварительно явился к Севскому, который сначала, по своему обыкновению, разыгрывал меня, притворяясь, будто бы ни о чем не ведает. Но затем

разъяснил: Добармия решила образовать Отдел пропаганды, по образцу существовавшего за границей в период войны. Во главе отдела поставлен Н.Е.Парамонов, которому Севский предложил меня в качестве управляющего кинематографическим отделением. Сам Севский вместе с Ф.Д.Крюковым получают посты тов. министра, то есть помощников Парамонова.

Вечером состоялось свидание с Парамоновым: он оставил у меня самое приятное впечатление — энергичен, деловит, не любит даром тратить слов — эдакий русский янки. План его строить Отдел как коммерческое предприятие, а не как бюрократическое учреждение, вполне правилен. Весьма резонно он говорил:

— Даровой пропаганде не поверит ни один дурак. Но когда он заплатит за листовку грош, это всецело преисполнит его уважением и верою в «купленное» слово.

В кинематографе он смыслит мало, вернее, ничего не смыслит, не знает даже разницы между позитивом и негативом. Сказал, что налицо сейчас имеется 5000 метров пленки (какой — негативной или позитивной, или и той и другой, объяснить, по вышесказанной причине, не мог), и был несколько удивлен, когда я ему ответил, что 5000 метров — это все равно что ничего. Кроме того, пленка, как оказывается, принадлежит Донскому правительству. Придется ее «добывать» (хотя это нетрудно). Николай Елпифидорович усиленно настаивает на том, чтобы как можно скорее поставить фильму, изображающую взятие Новочеркаска Голубовым и расстрел Назарова. Сценарий напишет Севский.

Я изложил мой план Николаю Елпифидоровичу в следующих чертах.

Кинематографическая деятельность Отдела должна распаться на три сферы:

1) хроника событий, к которой нужно будет приступить немедленно;

2) большие картины «американского» типа, с определенной антибольшевистской тенденцией (самое существо «великого немого» вполне допускает тенденцию; обладая возможностью выявления лишь наиболее простых чувств, каждая фильма, в сущности, строится на коллизии очень примитивно понятого Добра и Зла. Поэтому в кино может быть сильно и художественно оправдано то, что во всяком другом искусстве — нестерпимо);

3) комедии, для коих наша современность дает богатейший материал. (Например, знаменитый случай с мошенником, выдавшем себя в каком-то медвежьем углу Совдепии за «товарища Либкнехта» и достигшем божеских почестей).

Последние два вида фильм могут быть осуществлены двояким способом: или при помощи собственных сил, что сложнее, так как надо организовать труппу и, самое главное, построить ателье, коего в Ростове, конечно, не имеется (снимать на площадке при широком производстве, а производство — *должно быть широким*, — конечно, нелегально); или же путем сдачи «на подряд» постановок по нашим сценариям крымским фирмам — Ханжонкову, Ермольеву etc. Это выгодно в смысле быстроты, но, конечно, едва ли фирмы станут так заботливо относиться к нашим заказам, как к своим собственным постановкам и поэтому надлежит, начав с «подрядного способа», постепенно готовиться к организации собственной фабрики.

Все положения мои были Николаем Елпифидоровичем одобрены.

21 января

Парамонов прислал ко мне некоего мичмана Семенова, оператора, состоящего при небольшом, имеющемся в Екатеринода-ре, «Осведомительном бюро», то есть начальной ячейке нашего Отдела. Главенствует в этом бюро проф. С.С. Чахотин. Семенов — подхалимистый тип, совсем не похожий на морского офицера, сообщил мне вещи довольно печальные: пленки негативной у них нет совсем, а позитива... одна катушка! Зато есть два оператора; считается, что в Новочеркасске, у Донского правительства, имеется еще оператор Гошаев, а сегодня ко мне явился некий шури-нец Белокуров, тоже бывший в мирное время оператором у Ханжонкова, с предложением снимать фронт и военные действия. Всего у нас четыре оператора; на первое время хватит. О лаборатории тоже не приходится особенно хлопотать: в Ростове есть лаборатория при прокатной конторе братьев Петровских, правда, слабосильная, но пока обойдемся (я уже был у них и встретил самое широкое радушие). Но вертеть без пленки нельзя, купить ее тоже; очевидно, помимо командировки в Крым, надо будет когонибудь командировать за границу. Сказал об этом Парамонову. Ответ: «Ну, что же? Вот вы и поедете и в Крым, и за границу». Я едва мог скрыть свою бешеную радость: неужели же давняя исполнится мечта, я опять увижу мою милую, мою любимую Европу, о которой так мучительно тосковал все эти годы, с тех пор, как на свое несчастье вернулся в Россию?

Сегодня у Парамонова видел некоторых будущих сотрудников Отдела — уморительно смешного своею важностью Сватикова, М.С. Воронкова и т.д. Парамонов развивал перед нами свою

программу. По его мнению, пропаганда должна быть поставлена так, чтобы незаметно проникла во все области жизни, охватила бы весь быт целиком, пронзила бы все мысли и притом осталась бы неприметной, чтобы люди поддавались ей, ее не примечая. Причем она не должна быть партийной, под нее надо привести широкий общественный базис, — от умеренных социалистов (их представитель — Сватиков) до монархистов (таковых в Екатеринодаре сколько угодно). Все это совершенно верно. Между прочим, подход к делу у Парамонова довольно циничен. Он смотрит на вещи просто: ничем нельзя, не следует брезговать. Сегодня он высказал, например, мысль о необходимости образования особых секретных агентов, которые должны проникать в Совдепию и вращаться среди коммунистов. Севского, с его строгой нравственною чистотой, это покорило. Но едва ли Парамонов не прав. Заседали мы сегодня на парамоновской квартире, в знаменитом особняке, где когда-то зародилась Добрармия. Ведь Парамонов был некогда ее крестным отцом и почти единственным финансистом. При всей своей скупости, он отдал ей большие средства и нередко бывал ее спасителем. Я.М.Лисовой рассказывает следующий случай: в середине декабря 1917 года положение армии было критическое, в кассе не оставалось ни копейки, и Алексеев заявил, что если до 4-х ч. дня Николай Елпифидорович не привезет денег, то он подпишет приказ о роспуске армии. «И вот, — рассказывает Лисовой, — мы напряженно ждали, стоя у окон атаманского дворца в Новочеркасске, приезда Парамонова. Без десяти четыре он подъехал на скверном извозчике и, словно дразня наше нетерпение, крайне долго расплачивался. Наконец, расплатившись, вошел во дворец, таща огромный мешок. В мешке было полмиллиона рублей, собранных ростовской буржуазией. Армия была спасена». Севский к этому рассказу прибавил любопытные подробности о том, как производился сбор. Парамонов собрал ростовских промышленников и заявил: так, мол, и так, единственная наша защита может погибнуть, если мы ее не поддержим. Многие охотно пошли навстречу: Борис Абрамович Гордон расщедрился на целых 200 000! Но многие, труся перед уже недалекими большевиками, *отказались* дать деньги. Парамонов ничего не сказал, но отметил их в сердце своем. И вот, когда большевики были прогнаны, и началась настоящая жизнь, с купцами, не давшими денег, вдруг стали приключаться несчастья: то вдруг откажут в верном кредите, то опротестуют векселя и т.д. Это мстил Парамонов; при его всевластии на Дону (он, как паутиною, опутал весь торгово-промышленный мир) это большого труда не стоило. Перепуганные буржуи кинулись к нему на по-

клон, и теперь он заставил их пожертвовать в Добармию во много раз больше, чем требовалось в декабре. /.../

28 января. Ростов

Пропаганда уже перебралась в свое помещение, и нам отвели квартиры в реквизированных комнатах /.../ Екатеринодарцы приехали, но держатся гордо, уклончиво, на нас фырчат. С ними явился Лембич, долго и подробно ввавший мне о своих подвигах на всех фронтах, до Пенелопонесской войны включительно. Приехал из Ставрополя Илья Сургучев, а из Крыма Ф.М.Купчинский. Последний добивается поста «наместника пропаганды» в Крыму. Сургучев же вместе с Родичевым должен ехать за границу. План, который он мне развивал, довольно неожиданный. — «Пропагандировать так просто — это глупо! Надо действовать по-иному. Я проеду в Париж, сейчас же вызову свою переводчицу. Она переведет мою новую драму, ее примут в театр, поднимется шум и бум, и вот тогда-то я начну пропаганду: дам interview о большевиках и т.д.» Боюсь, что, пока дело дойдет до interview — или мы возьмем Москву, или нас загонят в Черное море. /.../

Февральские записи (без числа)

Сегодня, по настоянию Парамонова, екатеринодарцы выдали мне, наконец, все делопроизводство моего Отделения. Сплошная чепуха, ни одной бумаги, из которой можно извлечь толк: все больше рапорты гр. Монигетти-Ностиц, упорно желающего быть командированным за границу для покупки пленки. Но сейчас это праздный разговор: ныне граф, находясь в Крыму, на своей «Эгалите», все равно передумал ехать, найдя какое-то другое дело, но выгоднее. Просматривал я бумаги в комнате, где С.Н.Сирин экзаменовал агитаторов, направляемых в Ставролию (наше помещение еще не отремонтировано). Экзамен этот — уныние безнадежное. При мне признали годными совершенно городскую барышню, фитюльку, которую мужики не станут даже слушать, и мальчишку-гимназиста, а забраковали солдата, настоящего, от земли, сына зажиточного крестьянина, у которого большевики вырезали семью и разорили дом, и который свой человек, земляк именно в тех местностях, куда направляются агитаторы. Причина: первые здорово вызубрили сириновский курс, а второй не знал тонкостей с.-р. земельной программы. Какая вечная, неизбывная интеллигентщина! Надо быть русским интеллигентом, чтобы не понять, что для пропаганды вовсе не надобно знать все

программы, а надо быть близким среде, в которой действуешь. Ну что общего между ставропольскими мужиками и фитюлькою-барышней или гимназистом? Их просто не послушают, не поверят им. А провалившемуся парню, горящему ненавистью, лично испытавшему, что такое большевизм, этому своему человеку поверили бы, поняли бы его. Когда подумаешь, что *так* составляется одна из важнейших агитационных экспедиций, — тошно становится.

Разговор с Чахотиным: на вид Чахотин — милый, скромный, воспитанный человек. Но какую чушь он нес! Развернул передо мною колоссальную диаграмму в пять красок, с линиями и шарами. По диаграмме этой кинематограф оказывается где-то на задворках, четвертой ступенью Художественного отдела. Чахотин весьма красноречиво изъяснял мне необходимость и сплошной агитационной цепи: брошюра — плакат — прокламация — кино, а по диаграмме выходило на 11 служащих канцелярии... 3 оператора! Вот и замыкай тут «агитационную цепь»! Кроме того, кинематограф при таком положении дел оказывается в зависимости от трех инстанций: Отдела, товарища министра и самого шефа. Это то дело, которое не может не быть независимым!

Дела на фронте все хуже и хуже. В Донецком бассейне большевики напирают. Нами оставлена Юзовка и, по слухам, Мариуполь. Беспокойно, но настоящей тревоги почему-то нет. Быть может, потому, что большинство военных спокойно. «Деникин разрешает стратегическую задачу, — сказал мне сегодня Иловайский, — и на мелкие неуспехи не стоит обращать внимания».

11 февраля

Умер от тифа Роман Кумов — бедный, бедный! Еще несколько дней назад мы с ним сидели у нас в Новочеркасске. Ужасно жалко его: такой хороший, талантливый, скромный. Севский страшно огорчен. Решил поехать со мною в Новочеркасск, лично возложить венок. На вокзале наша поездка едва не рухнула: у кассы стоял такой хвост, что мы убоялись. К счастью, выходя из подъезда, встретили Е.Д.Богаевскую, Л.А.Сидорину и ген. Алферова, предложившего довезти нас в вагоне Главнокомандующего Донской армией. Путешествие вышло приятнейшее: превосход-

ный вагон, веселая беседа: Л. А. рассказывала о сибирских кушаньях, чисто чеховская «Сирена». На фронте — печально: занята Каменская и Усть-Медведица.

12 февраля. Новочеркасск

Сегодня похоронили Кумова. Похороны были торжественные, на счет правительства, в присутствии атамана и членов Круга, с воинскими почестями, музыкой и т. д., хотя Кумов был не военный казак. Впервые видел я, что русского писателя хоронят с воинскими почестями, и это было очень трогательно. Вечером, повидавшись с Парамоновым, крайне свирепым, ибо у него на рудниках открылись большевистские шашни (лютовал: «А всё бабье! Такое проклятущее!»), выехал в Ростов. Отдал Парамонову написанный в последние дни сценарий «Кольцо Дракона» — довольно ловко сделанную американского типа фильму, только вместо благородных ковбоев — добровольцы и барышня, а вместо злодеев — большевики и другая барышня, влюбленная в добровольца и из ревности переходящая к красным, но в последнюю минуту ценою своей жизни спасающая любимого.

Севский устроил Венского редактором «Народной газеты», издаваемой Пропагандой. Вышел номер 1-й, в котором Венский разошелся во весь свой трепаческий дух. Одни заголовки чего стоят! Например, телеграмма (оказавшаяся, конечно, уткой), будто бы Эльбрус возобновил вулканическую деятельность и задымился, озаглавлена: «Тебя только еще недоставало!» Многие фыркают, но едва ли это не тот тон, который нужен солдату на фронте и уличной городской толпе.

Мой сценарий произвел фурор: Парамонов без разговоров распорядился выдать мне за него 2000 руб., а екатеринодарцы сменили гнев на милость: сегодня был у меня длинный разговор с зав. художественным отделом Воротынцевым и его помощником Загородником. Мы договорились, подружились и выработали общий план действий, при котором кино-отделение получает необходимую независимость. Они признались, что очень меня побаивались: «Помилуйте, входит в кабинет министра без доклада, составляет какие-то особые планы — явный интриган». Ило-

вайский сказал, что мой сценарий необходимо воплотить в первую очередь.

Дружба моя с екатеринодарцами укрепилась настолько, что они предложили мне, помимо киноотделения, взять на себя редактирование юмористического журнала «Кактус», который предполагает издавать Художественный отдел. Я согласился, обусловив свое вступление, во-первых: согласием Севского, так как ни в коем случае я не хочу делать конкуренции «Донской волне»; во-вторых, расширение программы — из чисто юмористического в общелитературный. Севский, конечно, согласился, сказав: «Если Пропаганда хочет издавать журнал, конечно, редактором должны быть вы, а не Голубев-Багрянородный!» Голубев-Багрянородный — молодой футурист, фигура арапо-комическая, осел, который предназначался (увы!) мне в помощники к «Кактусу».

Парамонов уехал в Екатеринодар, вернется — или на шите, или со шитом: или утвержденным министром, или в отставку! Интригу против него ведет, главным образом, К.Н.Соколов, подхалим Драгомирова. А последний ненавидит Парамонова за фразу «Я был с армией с первого дня ее, когда она стояла на краю гибели, вы же, Абрам Михайлович, приехали уже после, на готовенькое». Перед отъездом Парамонов утвердил выделение кино в самостоятельное целое, а также программу и смету «Кактуса» /.../

Пропаганда

Наша Пропаганда — это такой *Babel sombre au science, roman, fabliaux, la cendre latiniet, la poussière greque le mêlaient**, что голова закружится. С утра коридоры гудят толпою — всякого зверя, чистого и нечистого, по семи пар. Вихрем носятся барышни, офицеры звенят шпорами, скучают каракулевые головы из разряда тех москвичей, про которых Яшка Южный в Москве когда-то острил: «Менделевич — беженец. Отчего же он беженец? От воинской повинности он беженец!» Толчея такая, особенно в нижнем коридоре, что пока поднимаешься к себе на третий этаж, тебя пере-

* Первобытное столпотворение, роман, сплетни, смесь латинского праха и греческой пыли (*др.*).

хватят семьдесят семь человек и сделают семьдесят семь предложений: один хочет достать пленку, другой пристает со статьей для журнала (сейчас только ленивый не затевает журнала, в надежде на то, что Пропаганда в конце концов отпустит субсидию) и т.д. Впрочем, у себя наверху я не засиживаюсь: нашу комнату еще ремонтируют, штат отделения не определен еще окончательно, и делать нам нечего. Спускаюсь вниз, где к 12-ти часам Содом достигает наивысшего напряжения: около дежурного офицера (им бывает или поручик Бродисский, вежливый, воспитанный, кажущийся настоящим кадровым офицером, хотя он — сын богатого еврея, ростовского к.-д., и погоны заслужил лишь в Ледяном походе; или поручик Федоров, увы! — далеко не блещущий вежливостью, самоуверенный тип «екатеринодарского тыла», главная забота коего, чтоб между ним и фронтом лежало пространство не менее 200 верст) толпятся чающие приема у шефа. Тут и владельцы типографий, облизывающиеся при одной мысли о колоссальности заказов Пропаганды, и разные прожекторы — кинематографические, артистические, художественные: художники с карикатурами и плакатами, писатели с брошюрами и статьями, с планами газет и журналов, «ходоки» с мест, доказывающие, что именно на их город и уезд надо обратить особое внимание, и что никто лучше их самих не организует там пропаганды; наконец, просто чающие мест просители. Здесь околачивается Роковицкий, мелькает Ардов, уповающий, что Пропаганда поддержит его «Журнал женщины» (в этом удивительном издании помещена перепечатка моего фельетона из «Донских ведомостей» о Кастальской под таким заголовком, что я, прочитав, едва со стула не свалился: «Женщина на плахе»! Черт знает что! «Мировой боевик» какой-то, а не статья!), важно потряхивая бороδοю проходит И.И.Митропольский, шеголяет черкескою Ника Туземцев. Большинство этих чающих приема не получит ни сегодня, ни завтра; даст Бог, если добьются в следующую среду. Ибо шеф, конечно, опоздает, придет часа в два, в шубе и в калошах, пожеывая свои вечные кислые яблоки, скроется в кабинете и начнет принимать доклады нас, главных служащих, разговаривая подолгу, так что для посторонних посетителей останется не более часу или 45 мин. Но они явятся завтра, и снова в коридорах будет шум и суета, словно в улье. Толчея усиливается еще тем, что большинству служащих пока нечего делать: не готовы помещения, не окончательно распределены штаты, и, тем не менее, все считают своим долгом посещать министерство, толочься в коридоре, где шумно, весело, можно узнать много новостей и еще больше сплетен. Кроме того — уйма ничем пока не занятых барышень, слоны слоняющихся и

охотно делающих глаз: господа офицеры звякают шпорами вокруг стройной, как тонкий стебель, скромной и изящной Зины Лагуна; Людмила Рудова припадает к встречному и поперечному со своими стихами (это вроде менингита) и томно вздыхает:

Ах, искателя романтики
Мне пошлет меж вами рок?
Кто мои развяжет бантики,
Кто мне снимет башмачок?

Охотников что-то не видно, хотя она совсем недурна, но уж больно поэтична! Зато вокруг сестер Селиховых — Ирины Сергеевны и Ольги Сергеевны Стрельниковой, всегда толкучка. Они действительно интересны: у них решительные лица, дикие, горящие глаза, какая-то лихость в каждом движении. Обе — казачки родом, участвовали в Степном походе (Ольга Сергеевна — георгиевский кавалер) и только недавно покинули армию (Деникин сейчас воздвиг гонение на наших валькирий, но, думаю, ненадолго: как обойдется без валькирий Шкуро или Покровский?) В костюме обе соблюдают некоторый воинственный стиль: *brutailleur**ок*, но *tailleur*** напоминает форму: в сапогах, правда, изящных, городских, но высоких, внатяжку, с голенищами. Все эти дамы и девицы в большинстве предназначены для участи тихой и скромной: стучать на машинках. Но С.Н.Сирин убежден, что подобное занятие невозможно без диссертации. Всех девиц заставили прослушать двухнедельный курс «политических наук» и потом написать сочинение на темы, весьма отдаленные от «ремингтона», как-то: «Сущность понятия исторического процесса», «Психологические факторы народных движений» и т.д. Воображаю, что написала об историческом процессе Людмила Рудова! Хорошо еще, что Сирин всякое сочинение, как бы оно ни было написано, награждал «весьма», а то мы, пожалуй, остались бы без ремингтонисток. /.../

Система Тейлора

С.С.Чахотин — личность в высшем смысле примечательная: новый герцог Лоран из «Маскотты» — необычайность несчастий, с ним приключаящихся, совершенно удивительна. Приехал в Сицилию работать на Мессинской биологической станции — на другой день стряслось Мессинское землетрясение 1908 года, и Сергей Сергеевич сутки пролежал под развалинами. Приехал на Кор-

* От фр.: *brutal* — грубый, зверский.

** костюм (*фр.*).

сику, пошел гулять и попал в плен к последней еще существующей шайке некогда столь славных корсиканских бандитов. Полжизни прожил в Германии, в 1913 году уехал и не нашел для возвращения времени, более удобного, чем... 31 июля 1914 года! Конечно, зацапали. Оправдывался: я-де у вас десять лет прожил. Отвечают: «Знаем и не сомневаемся, что вы шпион. Так долго жить в стране, уехать перед войною и накануне ее объявления опять оказаться на нашей территории! Самое шпионское поведение!» Едва выпутался. Убегая в 1917 году от большевиков на Дон, в Черткове с большим трудом избежал ареста, но выкарабкался и сел в поезд (в те времена, в самом начале казацко-большевистской войны, при Каледине, еще существовало сквозное железнодорожное сообщение между Севером и Югом). Но, когда поезд уже подходил к Миллерову, где стояли казаки, последний вагон, в котором ехал Чахотин, вдруг отцепился и по инерции покатился обратно к красным. Одним словом, не жизнь, а сплошной «жук в молоке», как у Лорана в «Маскотте». Последним «жуком в молоке» Сергея Сергеевича является попытка ввести в Пропаганду систему Тейлора, которую С.С. фанатически обожает. Результат самый «жуковый»: система концентрации рабочей энергии, быстрого использования рабочего времени обратилась в нудную канитель, куда более продлинновенную, чем даже обычное русское бюрократическое колесо. Внешне эта система выражается в следующем:

1). У дверей каждого отделения повешен... семафор. Когда в комнату входит «циркулятор» (то есть, попросту, мальчишка-курьер) с бумагами для подписи, семафор опускается, и больше ни одной бумаги поступить в отделение не может, пока, подписанные, они не будут вручены «циркулятору» для дальнейшего следования. Тогда семафор поднимается: путь для бумаг свободен. «Циркулятор» же во время пребывания бумаг в соответствующем отделении отлучаться не имеет права, но должен сидеть под семафором на особой табуретке, украшенной надписью: «Стул циркулятора». Дать циркулятору рубль и сказать ему: «Петя, сбегай мне пока что за папиросами», — преступление, равное оскорблению величества. В отделениях, которые далеки от Чахотины, эта чушь, конечно, не соблюдается, и применение у семафоров одно: ремингтонные девчонки, когда им скучно, забавляются тем, что поднимают и опускают его. Но поближе к Чахотину все это соблюдается и задерживает бумаги невероятно.

2). Все барышни (во избежание докладов) носят на груди разноцветные билетки, смотря по чину: имеющие право входа к начальнику — синий, к помощнику — красный и т.д. — увы! — до

желтого включительно. Эти нагрудные знаки еще понятны, но вот что составляет тайну более глубокую, чем учение гностиков: каждый, явившийся с докладом к высшему, вручает ему картонный билет соответствующего цвета, в обмен на который начальник выдает из стоящей перед ним коробки со множеством разноцветных билетов другой кусок картона. Все это вносит путаницу и вызывает смех и раздражение против Чахотина: его сильно недолюбливают, хотя он, необычайно вежливый, культурный, скромный и симпатичный своим болезненным и каким-то робким видом, безусловно, не любви не заслуживает. Но хорошие его качества видны лишь самым близким к нему людям, а большинство видит чепуху «тейлоризации» и смеется. Парамонов, как практик и деловик, его просто не выносит. Между ними идет ожесточенная борьба, и, говорят, Чахотин всецело поддерживает екатеринодарский натиск на шефа. Но люди проницательные представляют, что и здесь получится «жук в молоке» — если победит Парамонов — Чахотина «уйдут». Если победит Чахотин — его тоже «уйдут».

XVII. РОСТОВСКАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА (февраль—март—апрель 1919 года)

/.../ Тревожные слухи растут, хотя на фронте несколько лучше: на западе отбили Мариуполь и Юзовку, в центре — попридержали большевиков на Донце, на востоке отбросили их от Великокняжеской. Видел сегодня сестру милосердия, только что вернувшуюся из освобожденной станицы. Рассказывает ужасы — по улицам валяются трупы маленьких калмычек, разрубленные пополам. Тем не менее, тревога растет, нехорошо в Европе: вчера передавали как верное известие, будто бы в Англии вспыхнула революция, Ллойд-Джордж убит, король и парламент арестованы, провозглашена республика. Это, конечно, чепуха. Но все-таки любопытно, что жида, сообщившие мне об этом в «Гротеске», говорили с нескрываемой радостью. Никак не могу понять, почему у этой расы такая приязнь к «республикам»? /.../

Шеф из Екатеринодара явился побежденным. К.Н.Соколов повел против него бешеную атаку, обвинял его в потворстве социалистам (Сватикову), в заполнении министерства евреями, в левизне и т.д. Хотя все это вздор (ну какой Сватиков социалист!